

Константин
ВАНШЕНКИН

избранная лирика

Константин
ВАНШЕНКИН

избранная лирика

МОСКВА
СОВРЕМЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ
1995

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

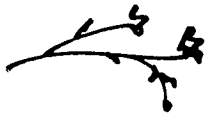
Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его бояться, как огня..
И вдруг она сказала: — Там мальчишки..
Ты проводи, пожалуйста, меня..

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

.. Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

* * *

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года..
Мой друг мне крикнул: — Есть махорка?.. —
А я ему: — Иди сюда!.

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

6

Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва..

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забуть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего..

1952

* * *

Ты добрая, конечно, а не злая,
И, только не подумавши сперва,
Меня обидеть вовсе не желая,
Ты говоришь обидные слова.

Но остается горестная метка, —
Так на тропинке узенькой, в лесу,
Товарищем оттянутая ветка,
Бывает, вдруг ударит по лицу.

1952

7

СТУДЕНТКИ

Евг. Евтушенко

Среди цветущей мать–и–мачехи,
Среди пробившейся травы
Учебник высшей математики
И три девичьи головы.

А в небе облако качается,
И солнце льет свой ровный свет.
Никак ответ не получается,
Никак не сходится ответ.

И кто–то там, средь мать–и–мачехи,
Приподнимается с земли:
— Ау, ребята! Где вы, мальчики?
Пришли бы, что ли, помогли...

1954

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

М. Бернесу

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано:
Ширь земли и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

8

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети!

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом,
Все опять повторится сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечаю.
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!

1956

ВЕСНОЙ

Первый ливень над городом лупит,
Тарахтит в водосточной трубе.
«Ах, никто меня в мире не любит», —
Врет девчонка самой же себе.

Брызги тучей стоят над панелью.
А девчонка в квартире одна, —
Врет от радости и от веселья
У раскрытого настежь окна.

Дождь с размаху по улицам рубит,
По троллейбусным крышам стучит.
«Ах, никто меня в жизни не любит!» —
Звонко голос счастливый звучит...

1956

9

* * *

Евг. Винокурову

Стучит по крыше монотонно,
Беззвучно льется по стеклу,
Бурлит в канавке из бетона,
Бормочет в кадке на углу.

В полночной мгле свистит над полем,
Шуршит по листьям мокрых роц..

Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь!.

1956

ЖЕНЬКА

Стоит средь лесов деревенька.
Жила там когда-то давненько
Девчонка по имени Женька.

Мальчишечье имя носила,
Высокие травы косила,
Была в ней веселая сила.

Завыли стальные бураны,
Тень крыльев легла на поляны.
И Женька ушла в партизаны.

В секрете была и в засаде,
Ее уважали в отряде,
Хотели представить к награде.

Бывало, придет в деревеньку,
Мать спросит усталую Женьку:
— Ну как ты живешь?
— Помаленьку...

Пошли на заданье ребята.
Ударила вражья граната.
Из ватника вылезла вата.

10

Висит фотография в школе,
В улыбке — ни грусти, ни боли,
Шестнадцать ей было — не боле.

Глаза ее были безбрежны,
Мечты ее были безгрешны,
Слова ее были небрежны..

1957

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся муж с большой войны.
Ушла родня, все гости тоже,
И слушал он шаги жены,
Уже в постели мягкой лежа.

В буфет посуду убрала,
Поднять окурок наклонилась,
Сняла скатерку со стола
И наконец угомонилась.

Шинели тронула рукав,
Щекой припала, вся зарделась,
Потом прошла за старый шкаф,
Свет погасила и разделась.

1960

ВСТРЕЧА

Пока дрались солдаты
На дальних рубежах,
Ровесницы-девчата
Росли, как на дрожжах

11

Воспоминаний груды
Мы за собой влекли...
Взрослы и полногруды,
Встречать они пришли.

Был прежде стан их тонок,
Был беспричинен смех.
Мы помнили девчонок
Совсем—совсем не тех.

А эти опьяенно
Глядят — не сводят глаз
И посреди перрона
При всех целуют нас.

И слезы проливают,
Не утирая их,
И нас припоминают —
Совсем—совсем других.

1960

* * *

Ниспроверяют незаслуженно
Порой талант. И он молчит.
Зато посредственность натуженно
Сама взбирается на щит.

Пускай потешится. Пожалуйста.
Ведь совесть Времени чиста.
Оно бесстрастно и безжалостно
Все ставит на свои места.

Забыво все пустопорожнее,
Всему достойному — хвала,
И возвеличиванье ложное
Страшней, чем ложная хула!

1961

* * *

Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбежку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.

И так вошел он в роль, что наконец
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всем другом естественность цена,
Приветствую подобное притворство!

1961

* * *

Качнулась и раскололась
Снов тоненькая грядда.
Меня разбудил твой голос,
Был свежий он, как вода.

И, счастлив невольным счастьем,
Что ты навсегда со мной,
Я слушал его с участием
Из комнатки за стеной.

В нем все меня занимало —
Был утренний, чистый он...
А я не любил, бывало,
Чтоб мой прерывали сон.

Еще я смотрю беспечно,
Шагаю густой травой..
Хочу одного: чтоб вечно
Будил меня голос твой.

1961

КОГДА–НИБУДЬ

Когда–нибудь взгрустнешь
Ты обо мне немножко.
Когда–нибудь всплакнешь
У мутного окошка.

В холодной ряби луж
Девчонки моют боты.
И твой — как странно! — муж
Идет уже с работы.

Дождливым серым днем
Войдет и плащ свой сбросит.
— Ну что? Опять о нем? —
Тебя с обидой спросит.

1962

* * *

Она ушла, и в гулкой глубине
Большого дома лифт замолк устало.
А он сидел с собой наедине,
Вдруг ощутив, как тихо в мире стало.

И так смотрел он в глубь своей души,
Как раненый, что вышел на поляну
И с ужасом, в неведомой глуши,
Чуть сдвинув бинт, рассматривает рану.

1963

ВАЛЬС РАССТАВАНЬЯ

Слышишь, тревожные дуют ветра,
Нам расставаться настала пора.
Кружится, кружится пестрый лесок,
Кружится, кружится старый вальсок,
Старый забытый вальсок.

Ты, совершая положенный путь,
В дальнем краю это все не забудь:
Эту реку и прибрежный песок,
Этот негромко звучащий вальсок,
Этот негромкий вальсок.

Мы расстаемся, чтоб встретиться вновь,
Ведь остается навеки любовь.
Кружится первый осенний листок,
Кружится в памяти старый вальсок,
Юности нашей вальсок.

Волосы ветром сдувает со лба.
Музыка эта — как наша судьба.
Снегом слегка обжигает висок,
Кружится в сердце тот старый вальсок,
В сердце тот старый вальсок.

Слышишь, тревожные дуют ветра,
Нам расставаться настала пора.
Кружится, кружится пестрый лесок,
Кружится, кружится старый вальсок,
Старый забытый вальсок.

1963

КОНЕЦ ЛЮБВИ

..И чем друг другу не потрафили?
Прощаясь, глазом не моргнули.
Они друг другу фотографии,
Теперь ненужные, вернули.

Она ему подарки прежние —
Колечко с брошкой — возвратила.
А он — ее записки нежные, —
Давно утрачена их сила.

Вот так в минуты расставания
Они в пустынных гулких стенах
Те давние завоевания
Меняли, как военнопленных.

1963

ДНЕВНОЙ СОН

Бывает, днем, не по часам,
Заснешь случайно в кои веки,
И сколько спал — не знаешь сам,
Когда потом поднимешь веки.

Мешается со светом дня
Искусственное освещение,
И это путает меня,
Как будто времени смещение.

Жизнь преломилась в сне дневном.
Душа смутилась, загорелась:
Послушай, что там за окном, —
Там юность наша или зрелость?..

Покуда в тающем дыму
Одно мгновение пролетает,
Открыл глаза — и не пойму,
Смеркается или светает.

1963

* * *

Мы с ней расстались на исходе дня.
Нет, не запричитала, не завывала,
А через день она уже меня
Легко и так естественно забыла.

Ее судьба забросила от нас
В какую-то бригаду хоровую.
Я от нее услышал в первый раз:
«Война все спишет» — фразу ходовую.

Она потом, кочуя по войне,
Таких, как я, не раз еще встречала,
И как мы распростились — обо мне
Не горевала даже и сначала.

Лишь иногда меня — каким я был —
Представит вдруг, но смутно и без пыла.
Считая, что и я ее забыл
Вот так же, как она меня забыла.

1964

* * *

Когда сгорит за бруствером заря
И писем ждут усталые родные,
Себя не забывают писаря,
Перебеляя списки наградные.

Сомнения небольшие поборов,
Решив, что их судьба в герои прочит,
Не забывают также поваров
И полковых сапожников и прочих.

Уже бывали случаи, когда
Начальники в них молнии метали.
А вообще, подумаешь, беда:
Опять солдат остался без медали.

1964

* * *

Я спал на свежем клевере, в телеге,
И ночью вдруг почувствовал во сне,
Как будто я стремлюсь куда-то в беге,
Но тяжесть наполняет ноги мне.

Я, пробудившись резко и тревожно,
Увидел рядом крупного коня,
Который подошел и осторожно
Выдергивал траву из-под меня.

Над ним стояло звездное пыланье,
Цветущие небесные сады —
Так близко, что, наверно, при желанье
Я мог бы дотянуться до звезды.

Там шевелились яркие спирали,
Там совершали спутники витки.
А с добрых мягких губ его свисали
Растрепанные мелкие цветки.

1964

* * *

Заметно выцвел небосвод,
Заметней осени картины.
На юге — облачко плывет,
У нас в России — паутины.

А тени чуть наискосок
Легли, расплывчаты, нерезки.
На юге — ярко-желт песок,
У нас в России — перелески.

А в воздухе беззвучный звон,
Столбы рассеянного света.
На юге — бархатный сезон,
У нас в России — бабье лето.

1964

СКРЫТНОСТЬ

Он жил вблизи, но жил не на виду.
Он все скрывал. Зачем? На всякий случай.
Скрывал привычно радость и беду,
И лишь не скрыл он смерти неминуемой.

Враги о том, что он врагом их был,
Догадывались, думаю, едва ли.
И женщины, которых он любил,
Об этом даже не подозревали.

1964

ЗА ОКОШКОМ СВЕТУ МАЛО

За окошком свету мало,
Белый снег валит, валит.
А мне мама, а мне мама
Целоваться не велит.

Говорит: «Не плачь — забудешь!»
Хочет мама пригрозить.
Говорит: «Кататься любишь,
Люби саночки возить».

Говорит серьезно мама.
А в снегу лежат дворы.
Дней немало, лет немало
Миновало с той поры.

И ничуть я не раскаюсь,
Как вокруг я погляжу,
Хоть давно я не катаюсь,
Только саночки вожу.

За окошком свету мало,
Белый снег опять валит.
И опять кому-то мама
Целоваться не велит.

1964

Я СПЕШУ, ИЗВИНИТЕ МЕНЯ

Лунный свет над равниной рассеян,
Вдалеке ни села, ни огня.
Я сейчас уезжаю на Север.
Я спешу, извините меня.

На холодных просторах великих,
В беспредельные дали маня,
Поезда громыхают на стыках.
Я спешу, извините меня.

Говорю вам, как лучшему другу,
Вас нисколько ни в чем не виня:
Соберитесь на скорую руку.
Я спешу, извините меня.

Не хотите? Ну что ж вы, ей-богу!
Тихо дрогнули рельсы, звеня.
Хоть присядьте со мной на дорогу.
Я спешу, извините меня.

Может быть, вы раскаетесь где-то
Посреди отдаленного дня.
Может быть, вы припомните это:
«Я спешу, извините меня».

Жизнь прожить захотите с начала,
Расстоянья и ветры ценя..
Вот и все. Я звоню вам с вокзала.
Я спешу, извините меня.

1964

ПРОСНЕМСЯ ПЕРВОГО ЯНВАРЯ

Проснемся первого января
На той планете,
Где елка бросила якоря,
А на паркете
Как бы мерцание янтаря
При зимнем свете.

20

Все ново в этот начальный миг —
И запах елки,
И корешки наших старых книг
На книжной полке,
И в утренних волосах твоих
Две-три иголки.

Все ново, ты и сама нова —
Прохлада кожи.
Твои проснувшиеся слова
Так непохожи
На те, что были назад дня два,
Что будут позже.

А снег и свет, что глядят в окно
На наши стены, —
Все это было уже давно,
Все неизменно,
Но неожиданности полно
Одновременно.

Пусть новым будет весь новый год,
Как в день рожденья,
Пусть рядом с нами всегда идет
Без принужденья,
Нас обновляя, как в поздний тот
Миг пробужденья.

1965

* * *

А утвержденья эти пживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

21

Дрожь печальными огнями
В краю, где рощи и холмы,
Совсем умрете только с нами, —
Но ведь тогда умрем и мы.

1965

РОМАН

В маленькой комнате,
Возле серванта,
Ужином кормите
Вы лейтенанта.

Он от учебы
Часы отнимает.
Впрочем, еще бы! —
Он вас обнимает.

В кресло, как встарь,
Забрались вы с ногами.
Бьется январь
За стеною снегами.

Домик ваш низенький
Между домами
Выглядит книжечкой
Между томами.

Книжечкой тонкою,
Скромной собою,
С доброю, долгою,
Вечной судьбою.

1965

* * *

Прохладной стало на душе —
Жара немного отпустила,
И не заметили уже,
Как осень тоже отгостила.

О чем задумался бог весть
Старик семидесятилетний.
Молчит. Но смерть, что в каждом есть,
В нем проступает все заметней.

1966

* * *

Ал. Михайлову

Я считаю, нет моей вины,
Что в Москве мне видится сиянье
Той воды, где Северной Двины
И прекрасной Вычегды сплянье.

Часто мне ночами не спалось.
Не бывает, чтобы все сбылось,
Есть еще несбывшееся что-то,
И всегда со мной моя забота.

Но неяркий северный уют,
Эти реки, просеки, болотца
Почему-то силы придают,
Чтобы жить, работать и бороться.

Север мой незыблемо стоит,
На ветру сияет и сквозит,
Где-то за горами, за долами,
Будто весь обставлен зеркалами.

..Как бы жил на свете без него,
Пахнущего горькою сосною?..
Мне уже не страшно ничего
За его зубчатую стеною.

1966

КАРАНТИН

Среди доставшихся мне картин,
Всю жизнь стоящих перед глазами, —
Ночной разбуженный карантин,
Гудящий сонными голосами.

Как неизвестность уже страшна!
Вдруг тихо сделалось в карантине.
Комроты, писарь и старшина
Остановились посередине.

Фонарь был поднят над головой.
Они стояли застывшим кадром.
Пред ними нары во тьме живой
Ввысь уходили амфитеатром.

И словно где-то неясный гул,
И ночь, и дым, и пути не близки, —
То писарь с шелестом развернул
Судьбою выверенные списки.

...Саперы наскоро стелют гать.
Кладут убитых на плащ-палатку...
Он начал буднично выкликать,
Неторопливо и по порядку.

Как будто слыша притихший зал,
Артист, работающий по плану,
Удостовериться приглашал,
Что представление без обману.

И, покидая охотно тьму,
Походкой юношески смущенной
Мы выходили по одному
В тот круг, не слишком-то освещенный.

А я — подумаешь, экземпляр! —
Я молча щурил глаза от света:
Меня безжалостно ослеплял
Пожар, всюю полыхавший где-то.

Я в вещмешок уже положил
Портянки, ложку — и все игрушки.
Я стал пригоден как пассажир
Не для вагона, а для теплушки.

А эшелон по путям стучал,
А паровоз там кричал все тоньше.
И кто-то горько по мне скучал
И плакал тоненько ночью той же.

1966

ДАВНЫМ-ДАВНО

Атакой поутру мы старый замок взяли,
Где неостывших гильз мерцала тускло медь.
Я в бледных зеркалах себя увидел в зале
И тихо подошел, чтоб лучше рассмотреть.

Распахнута шинель с оторванной полою.
Царапина на лбу. Я не узнал себя.
Лишь глубоко в глазах то давнее, былое,
Тот, кем я был, но кем уже не стану я.

1966

* * *

Важно быть участником событий!
Именно из этого потом
Возникают молнии открытий,
Дерзкий стих и достоверный том.

Пусть художник тот, для всех безвестный,
Для себя, конечно, в том числе,
Сам пройдет по снежной и железной,
Круто перемешанной земле.

Может он считать себя счастливым,
Если задыхался он в дыму,
Если глина, поднятая взрывом,
Сыпалась за шиворот ему.

Важно быть участником события!
А потом, в какой-то новый час,
Тайна вдохновенья и наитья
Низойдет при случае на нас.

1966

* * *

Сидела она в уголке,
Где ходики чутко стучали,
И книгу держала в руке
С закладкою в самом начале.

И весь ее ласковый вид,
Приятный внезапному взору,
Уютен и так домовит
Был в ту неуютную пору.

Не раз над ручьями потом
Я шел к ней по доскам настила.
Когда поднимался я в дом,
Предательски сердце частило.

И сквозь поредевший туман
Глаза ее влажно сияли.
И мне попадался роман
С закладкою в самом начале.

Я помню тот двор и крыльцо,
Но дом не нашел бы я снова.
Я помню тот взгляд и лицо,
Однако не помню ни слова.

Хрустящая ночью весна,
И долгого дня измененье,
Тот город, и я, и она —
Все словно в ином измеренье.

26

Сомненья, и даже обман,
И снова надежды ночами —
Весь наш неудачный роман
С закладкою в самом начале.

1966

* * *

Мы помним факты и события,
С чем в жизни сталкивало нас,
В них есть и поздние открытия,
Что нам являются подчас.

Но вдруг мы видим день весенний,
Мы слышим смех, мы ловим взгляд.
Воспоминая *ощущений!*
Они нам душу бережат.

И заставляют сердце падать
Или взмывать под небеса,
И сохраняет их не память,
А руки, губы и глаза.

1966

* * *

Как часто все-таки талант
Бывает замкнут узкой сферой,
Но в то, что он везде гигант,
Проникнут все ж наивной верой.

Нет, не рассеян, не смешон,
Не просто в жизни непрактичен, —
Чего-то начисто лишен
И беспощадно ограничен.

Талант и ум — из разных групп.
Высокий гений, четкий логик
Бывает в жизни даже глуп
И жалко морщит важный лобик.

1966

27

АЛЕША

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшную ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девчатам, —
Они ему дарят цветы.

Привычен, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда, —
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

1967

* * *

Еще ты в раннем детстве где-то,
Лет впереди еще с лихвой,
А рожица легко одета
Почти прозрачною листвою.

28

Очами, зорче труб подзорных,
Взирает коршун с высоты.
А легкомысленный подсолнух
Не больше вымахал, чем ты.

Когда — за что им эта кара! —
В глухих, казалось бы, местах
Врасплох застигнутая пара
Тебя пугается в кустах,

Ты взор спокойный поднимаешь,
Листву и свет вобрав в него,
И все на свете понимаешь,
Не понимая ничего.

1967

* * *

Право, это вовсе ничего, —
Вы, конечно, знаете и сами, —
Просто ни с того и ни с сего
Вдруг глаза наполнятся слезами.

Молча смотрит девочка вокруг
На дома, на тихие березы,
На далекий лес, на близкий луг
Сквозь увеличительные слезы.

1967

* * *

В предвечернем свете,
Среди мягких трав,
Будто на паркете
Юбки подобрал,

29

Слева от проселка
Удивляет вновь
Голубая елка —
Голубая кровь.

Я бродил по свету,
Но у нас в лесу
Странно видеть эту
Чуждую красу.

1967

* * *

Родинка смешная на щеке,
И бровей темнеющие скобки.
Каблучки, и тонкий шрам от штопки
Около колена на чулке.

А твоя рука течет вдоль тела,
Повторяя линию бедра.
И моя душа полна добра.
Ты, должно быть, этого хотела?

1967

* * *

Фотогеничные поэты,
Чей внешний облик вам знаком.
Значительные их портреты
Над незначительным стихом.

Сам стих им несколько мешает,
Но он судьбой уже храним,
Ведь вам доверие внушает
Портрет задумчивый над ним.

30

Все отстоится, устоится,
Осядет пыли полоса.
Немногие проступят лица,
И различатся голоса.

1967

* * *

Эти крыши на закате,
Эти окна, как в огне,
Самой резкою печатью
Отпечатаны во мне.

Этот город под горою,
Вечереющий вдали,
Словно тонкою иглою
Прямо в кровь мою ввели.

1968

БЕДА

Его обуглило бедой.
Немыслима его потеря.
Стоит, уже немолодой,
Произошедшему не веря.

Он словно дал такой обет:
Жить только прежним, стародавним.
От радостей, но и от бед
Он заслонен своим страданьем.

1968

31

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Как будто бы чьих—то грехов искупление —
Порою нисходит на нас ослепление.

Не видит садовник раскрывшейся розы,
А шахматный гений простейшей угрозы.

Не видит грибник, что в грибах вся поляна,
Беспечное сердце не видит обмана.

Не видит охотник когтей отпечатки,
А старый наборщик смешной опечатки.

И страшно, когда, вдруг очнувшись за чаем,
Мы слезы в любимых глазах замечаем.

1968

ТЕМА

Опять возвращаюсь я к этой же теме.
Привал за кюветом. Чернеющий пень.
Разрозненных сосен отдельные тени
И леса — зубчатая общая тень.

Отмеченный четкостью ориентиров,
Опять предо мной убывающий день, —
Отдельные тени моих командиров
И взвода зубчатая слитная тень.

1968

* * *

В заботах нового труда,
Когда и вправду жизни мало,
Сидел один, — мне так всегда
Уединенья не хватало.

32

Тянуло мокрою корой,
Березы брезжила макушка,
Кончался день, и под горой
Усердно лаяла кукушка.

Сквозило сыростью с реки.
_За долгий месяц тот весенний
Не написал я ни строки.
Но принял несколько решений.

1968

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Женщина, путь преградив к кабинету,
Молвила мягко: — Вы списки прочли?
Что же я сделаю, если вас нету!
Значит, по конкурсу вы не прошли.

Я из окна посмотрел еще в садик
Нет, эта весть не убила меня.
Может быть, так себя чувствует всадник,
Если под ним убивают коня.

Вышел. И вдруг: — Догоните! Верните!
Здесь перепутали в спешке дела.
Приняты, приняты вы. Извините.
— Точно? —
_Но радость уже не пришла.

1969

СТОЙКОСТЬ

Пусть не везет, пусть отвернулось счастье.
Держаться нужно — и любой ценой!
Так до подхода регулярной части
Стоять погранзаставе головной.

33

Не поддаваться, а собрать силенки,
Когда мы твердо знаем, что правы,
Перетерпеть — как бедной той буренке
До первой, чуть пробившейся травы.

1969

* * *

Чего в поэзии достиг?
Авось нас критик не обидит.
И я вносил посильно в стих
Порой то рифму, то эпитет.

Но видел главное в ином, —
Не в том, чтоб новым слыть повсюду,
А в том, чтобы своим вином
Наполнить добрую посуду.

1969

* * *

Не ожидала никак,
Сон уже чувствуя в тепе,
Стоя с подушкой в руках
Возле раскрытой постели.

Сильно светила луна.
Ярко белела рубаха.
Он постучал — и она
Похорошела от страха.

1969

34

* * *

Погода холодная, серая,
Лишь, пыхнув осенним огнем,
Осинок короткая серия
Прошла за вагонным окном.

Равнина ненастьем измаяна,
Лишь солнце в неполный накал
Порой проступает из марева
Не там, где его ожидал.

1969

* * *

На том же месте много раз
Лопата землю здесь долбила.
Могила каждая сейчас —
По сути братская могила.

И крест буквально на кресте,
А коль учесть, что путь наш краток,
Обидно — жили в тесноте,
И вновь теснись внутри оградок.

Давно ль успели поместить,
Тревожат их на том постое.
И нам, живым, охота жить
Не вообще, а на просторе.

А если уж лежать во тьме,
За гранью выданного срока,
То под сосною, на холме,
Откуда все видать далёко.

1969

35

* * *

Монотонность колесного гуда.
Мы глядим на мелькающий лес
И порою, как будто оттуда,
Видим свой проходящий экспресс.

В мире осень стоит золотая.
Машут дети, скрываясь из глаз,
И грохочет состав, пролетая
Мимо них и чуть—чуть мимо нас.

1969

* * *

М. Б.

В покое кунцевской больницы
Ты трудно спал на склоне дня.
Вдруг слабо дрогнули ресницы,
Ты ясно глянул на меня.

— А, здравствуй... — вымолвил устало,
Вновь погружаясь в сумрак свой,
Где колебалась, трепетала
Жизнь на отметке нулевой.

1970

* * *

Нас окружают жесткие предметы! —
Житейских шрамов множится улов,
Несем на теле памятные меты
От всех камней, коряг или углов.

Мотора стон смятенным ловим слухом.
Друзья, о вас печалимся не зря!
Ведь перед тем, как стать вам легким пухом,
Тверда была родимая земля.

36

Да что земля, когда судьбе в угоду,
Легко входя в неточный разворот,
Ныряльщик разбивается о воду,
О воздух расшибается пилот!

1971

В КРАСНОЙ ПАХРЕ

И сразу же, в дверях,
Меня пронзила жалость, —
Пропал мой долгий страх,
И только сердце сжалось.

Он, словно между дел
И словно их немало,
Средь комнаты сидел,
Задумавшись устало.

Ушла за дальний круг
Медлительная властность,
И проступила вдруг
Беспомощная ясность

Незамутненных глаз.
А в них была забота,
Как будто вот сейчас
Ему мешало что—то.

Он подождал, потом
(Верней, слова, ложитесь!)
Негромко и с трудом
Промолвил: — Покажитесь...

Я передвинул стул,
Чтоб быть не против света,
И он чуть—чуть кивнул,
Благодаря за это.

37

И, голову склоня,
Взглянул бочком, как птица,
Причислив и меня
К тем, с кем хотел проститься.

У многих на виду,
Что тоже приезжали,
Он нес свою беду
И прочие печали.

Какой ужасный год,
Безжалостное лето,
Коль близится уход
Великого поэта.

..Как странно все теперь.
В снегу поля пустые..
Поверь, таких потерь
Немного у России.

1972

* * *

Мы меняемся с годами.
Суть не в том, что нет кудрей.
За возникшими горами —
Тот хитрей, а тот мудрей.

За жестокой гранью поздней
Вдруг становится видней —
Кто ничтожней, кто серьезней,
Кто важней и кто верней.

Ну, а кто остался прежним,
Всем в глаза пуская дым, —
На того мы взором нежным
С тайной жалостью глядим.

1972

38

* * *

Как мы, в сущности, мало живем, —
И на треть не используем мощность.
Стану кленом, синицей, дождем,
Если будет такая возможность.

Но боюсь, что в весеннем дыму,
Осеняя родимую крышу,
Дорогих голосов не пойму
Или даже совсем не расслышу.

1973

* * *

Не все выживают стволы,
С невзгодой встречаясь впервые, —
Поэтому так и светлы
Бывают боры вековые.

Не всё выживает зверье
И птица различной породы
В сраженье за место свое, —
Так прочно здоровье природы.

Естественный этот отбор
Обычно не гладит по шерстке.
Здесь каждый встречает отпор
И помнит: условия жестки.

Лишь те, что сильны и смелы,
Достойны добиться победы.
Не все выживают стволы,
Растения, птицы, поэты..

1973

39

* * *

Я из землянки тесной вылез,
Стою с винтовкой на посту.
Дал старшина шинель на вырост, —
Глядишь, и вправду подрасту.

Пронизана тревожной вестью,
Натянутая ночь тиха.
И лишь холодные созвездья
Вращаются вокруг штыка.

Вы знаете: в ночную пору,
Когда похрустывает снег,
Какого напряженья полон
Вооруженный человек?

1974

РИСУНОК

Вдруг озарится мгла
В каком-то странном плане.
Ахматова была
Моделью Модильяни.

До первой мировой,
Среди возможных сотен,
Рисунок перовой
Изящен и свободен.

Но вы узнали — чей,
И тут вас поразило
Скрещенье двух лучей,
Двойная эта сила.

Кто изображена
И кем — на белом поле!
Душа поражена
Помимо вашей воли.

1974

ЦИКЛАМЕН

В саду снега сидели сиднем,
Не ожидая перемен.
А на окошке вашем зимнем
Потягивался цикламен.

Была короткая заминка
Пред тем, чтоб снова зацвести.
Он был как розовый фламинго
В начале длинного пути.

Как молодая балеринка,
Что на занятиях одна,
Задумавшаяся былинка
Вдруг задержалась у окна.

1975

* * *

Листопады и дожди
Отшуршали, отшумели,
И остались впереди
Снегопады и метели.

То, что было, — все прошло,
Не воротится обратно,
И в лесу теперь светло,
Тихо, пусто и опрятно.

Дышит чистая вода,
Словно темечко младенца.
Ей от холода и льда
Никуда уже не деться.

1975

ОДИНОЧЕСТВО РЕБЕНКА

Ночь в саду шуршит кустом.
Под окном хрустит щебенка.
В доме гулком и пустом —
Одиночество ребенка.

Мать с отцом ушли опять,
Проявив для виду строгость.
Как простить и как понять
Их нелепую жестокость?

Верил: выйдут за порог
И одумаются все же,
Но возможный минув срок,
И на это не похоже.

Одиночества ключи.
Одиночества основа.
Одиночество в ночи
Узника и часового.

Одиночества клеймо
Оставляет след без срока.
Человечество само
Тоже в общем одиноко.

Видишь поздний свет в окне?
Там, наверное, спросонок
Всхлипывает в тишине
Нераздевшийся ребенок.

1975

ЭТО ПРАВДА

Это правда, нас осталось мало.
Но еще и нынче нас не счесть.
Как нас ни крутило, ни ломало,
Но на свете все-таки мы есть.

42

Это правда, нас осталось мало!
По сравнению с силой той живой,
Что когда-то, молодая, встала
Над густою летнею травой.

1975

ПАМЯТИ ПОЭТА

Он был поэт, но небольшой
И, этого не сознавая,
К большим тянулся всей душой,
Пишь неудобства создавая.

А впрочем, что тут за беда, —
Любитель жизни и транжира,
Не понимавший никогда
Литературного ранжира.

1975

КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

В палату, а не в морг —
Столь разные маршруты,
И все же был он мертв
Какие-то минуты.

Клиническая смерть!
Но вызволили все же.
Родные тащат снедь,
Еще не веря тоже.

Все стало по местам.
Свершилось это чудо.
Однако был он т а м,
Однако он о т т у д а.

43

— Ну, что в той стороне?
Ты говори, не мешкай! —
Он отвечает мне
Загадочной усмешкой.

Уже пришел домой,
И на работу скоро.
Задашь вопрос прямой —
Не выйдет разговора.

Уже почти атлет,
Пьет «Каберне» и «Плиску».
А все молчит в ответ,
Как будто дал подписку.

1975

* * *

Опять стоит и смотрит старый,
Как голубеет небосвод,
Авоську со стеклянной тарой
К сельмагу женщина несет.

Тревожно тянет ветром горьким,
И даль заречная видна.
В полях, особенно по взгоркам, —
Сугробы в пролежнях. Весна.

Стоит он у раскрытой двери,
А голова давно бела,
И жизнь его по меньшей мере
Проходит, если не прошла.

1976

44

* * *

Были женщины в войну —
Всех любили, всех жалели,
Кто в обмотках и в шинели.
Я такую знал одну.

Было общее у них:
Возвышали в ласках женских
Не каких-нибудь снабженцев,
Интендантов и штабных,

А солдатика того,
Молодого, что, быть может,
За отчизну жизнь положит,
Не изведав ничего.

Но потом — войне конец.
Наступили перемены,
И они сошли со сцены,
И отнюдь не под венец.

Разумеется, тогда
Мы ничуть не ощущали
Благодарности, печали,
Сожаленья и стыда.

1976

ОСЕННИМ ДНЕМ

С разрозненной силой тупою
Порывами дуют ветра,
И дым над печною трубою
На клочья раздерган с утра.

Старуха идет через поле
В чиненом своем пальтеце
С гримасой — не горя, не боли,
А жизни на блеклом лице.

1976

45

АНДРЕЮ СТАРОСТИНУ

Что футбол! Золотая крупица
Той действительно общей игры,
Что в мирах, завихряясь, клубится,
Что вбирает и нас до поры.

Да, мне нравится, как вы живете,
Широко — как цыган, как игрок.
Как в поэме на самом разлете,
Где немало еще между строк.

Выделяясь из лучшего ряда,
Доверяясь не всяким словам.
И поэтому искренне радо
Сердце, если случается вам

Прирожденной походкой ковбоя
В старый клуб ненароком войти,
Обжигая собою, судьбою,
Не нарочно, а лишь по пути.

С дорогим сотоварищем вместе
В угопочке устроиться здесь.
«Все погибло, — сказать, — кроме чести».
Кроме чести! — и в этом вы весь.

1976

СТИХИ ОБ ОДНОЙ КОМНАТЕ

Жили в комнате одной?
Вам тогда понятно это.
Долгожданный выходной,
А отец встает до света.

Электричество зажег
Или встал, не зажигая, —
Ведь за окнами снежок,
Площадь белая такая.

46

Если комната одна,
От нее немного толку.
Терпеливая жена
Ночью плачет втихомолку.

Два несчастных старика
Стонут, словно от разлуки.
Ревматизм наверняка
Им выкручивает руки.

Если комната одна,
То, конечно, здесь же дети.
Им порою не до сна.
О каком тут речь секрете!

Жили в комнате одной,
Говоря: «Была б квартира?..»
Предвоенным и войной,
Как волною, окатило.

Жили — вон она видна.
Правда, были помоложе...
Но и жизнь всего одна, —
Вы учитывайте тоже.

1977

* * *

Глянул — да он же стар,
Временем перемолот.
Как же он старым стал?
Был же недавно молод!

Юношеский тот след
Кое-кому был ведом.
Ну, а теперь вот сед, —
Нет у сомнений в этом.

47

Как—то молчком, бочком
В область шагнул иную.
Сделался старичком,
Целую жизнь минуя.

1977

* * *

Старшие командиры
Были от нас вдали.
Стрелы или пунктиры
Карандашом вели.

Средние командиры,
Чтоб залатать прорыв,
Бросили нас в те дыры,
Нами же их прикрыв.

Младшие командиры!..
В безднах полей глухих
Так их могилы сиры,
Как подчиненных их.

1977

* * *

Живые мертвых потеснили.
Живым курится сладкий дым.
В издательстве мне пояснили:
Не скоро мертвых издадим.
Живых так много нынче стало,
Их с планом трудно сочетать..

Но мертвым лучше — мертвых мало, —
По пальцам можно сосчитать.

1977

48

* * *

С облегчением вспомнил сквозь сон:
Мелкой рябью наполнены лужи.
Лист кленовый, что с ветки снесен,
На стекле прилепился снаружи.
Дождь шуршит то яснее, то глуше.
Воскресенье — спешить не резон.

Наилучшие в жизни года:
И родители наши здоровы,
И к свершениям дети готовы,
И мы сами еще хоть куда.
Но — что делать! — близки холода
И грядущие вьюги суровы.

1977

ХУДОЖНИК МАРКЕ

Мне понятен художник Марке.
Хоть искусство его не простое.
Жил он в мире — не в малом мирке —
И работал на пестром просторе.

Но не только поселок морской,
Серебристые блики и пену, —
Из парижской своей мастерской
Все писал этот мост через Сену.

Поздней осенью, ранней весной,
Когда дымка висит над Парижем
Или маленький дождь навесной
Целый день барабанит по крышам.

Он писал его ночью, в огнях,
И той редкой довольно порою,
Когда снег на шершавых камнях
Налипает пушистой горою.

49

Так всю жизнь он писал его влать,
Все растягивал серию эту,
Утоляя безмерную страсть
К жизни, городу, цвету и свету.

1977

* * *

Приехали — а все цветет.
Семь вишен, яблоня и слива.
Понятно, это каждый год,
Но так приехали счастливо.

Мгновенный радостный испуг —
Ведь я забыл о вешнем дыме.
Как если бы вошел — и вдруг
Родных увидел молодыми.

1978

РОМАНС

Посреди ночного мира,
В тишине, издалека,
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в груди
Отголосок смутной боли,
Той, что будет впереди.

До сих пор та ночь хранима,
Словно сердцем новичка.
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

50

Что поделаешь, за годы
Расставаний и разлук
Не убавилось заботы,
Но остался этот звук.

Над водой полоска дыма.
Тают в небе облачка.
А по жизни — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в душе
Отголосок давней боли,
Нами прожитой уже.

1978

* * *

Особенное наше поколенья —
Цветенья предвоенного краса.
Оно вводилось в виде пополненья
В неполные полки и корпуса.

Оно тогда осмыслило едва ли:
Его, пока еще не полегло, —
Как кровь живую, армиям вливали.
И это, между прочим, помогло.

1978

* * *

Сидя, днем, когда придется,
Спит поверхностно старик.
Далеко, на дне колодца,
Женский смех и детский крик.

51

Вот очнулся он, и сразу —
Будто помнили о нем —
То ли муха возле глаза,
То ли птица за окном.

То ли дымка сна земного,
Что с собой его брала.
То ли это тень иного
И не здешнего крыла.

1978

* * *

Удар часов течет недлинно
Во тьме, и в нем неясность есть:
Час? Или это половина
Второго? Третьего?.. Бог весть.

И, как обещанного дара,
Сквозь сон прерывисто дыша,
Последующего удара
Еще мгновенье ждет душа.

1978

БОРИС И ПАВЕЛ

Среди поэтов прочих —
Всяк видел, кто умен, —
Стоял короткий прочерк
Напротив их имен.

Знать, кто его поставил,
Подумал: навсегда.
И впрямь Борис и Павел
Исчезли без следа.

52

И слева тишь, и справа.
Прошел таежный пал.
Про них от Ярослава
Я только и слышал.

Бедовые ребята,
Закваска не слаба.
Сыграла с ними в прятки
Суровая судьба.

Их слов протяжный отзвук
Пропал вдапи и стих..
Но в долгих зимах острых
Живым остался стих.

1978

* * *

...и два гуся.

Из песни

Видел я, как два гуся в недавнем году
Отвалились от стаи,
Не смогли удержаться на полном ходу,
Постепенно отстали.

На мгновение притормозил эшелон,
Чтобы им зацепиться,
Но пошел и пошел, высотой опален,
И остались две птицы.

Из березника листьев капеную медь
Выбивало, как ересь.
А они продолжали лететь и лететь,
Ни на что не надеясь.

И не в том их беда, что туда не попасть,
Где зимою отратно.
А иная беда и другая напасть —
Не вернуться обратно.

53

На сгоревшей траве серебра волокно
Отливало бедою.
Их по—прежнему что—то вперед волокно
Над остылой водою.

1979

* * *

Младенец говорит отдельные слова,
И прыгают они подобьем круглых бусин.
Их нужно б нанизать на смысла нить сперва,
А он не хочет ждать, он слишком безыскусен.

Он слово произнес, причем уже давно.
Но повторять не стал. Скажите—ка на милость!
А может быть, оно — то самое одно,
Которое под шкаф случайно закатилось.

1979

* * *

Все фартило да фартило,
И прервался этот фарт..
Словно в грохоте тротила,
Обозначился инфаркт.

Дом, отмеченный страданьем.
Привезли меня сюда.
Высоко над главным зданьем
Отрешенная звезда
В черном мартовском просторе.

Но исполнена вдвойне
Звездочка на мониторе
Отношения ко мне.

54

А за нею, вслед за нею,
Излучая слабый свет,
Вспыхивая и бледнея, —
Жизни тянущийся след.

1979

* * *

Посередине стол стоит,
А на столе — повестка.
А парню завтра предстоит
Далекая поездка.

А будет в ней большой салют,
Тяжелое раненье.
Потом в семью медаль пришлют
На вечное хранение.

Ах, велика ему шинель
И велика ушанка.
В пустых полях свистит шрапнель,
И страшен вид у танка.

Лежит дорога, вся в дыму —
От райвоенкомата..
Так получилось, что ему
И жизнь великовата.

1979

* * *

Блестит огонь, слепя.
Бьет в душу канонада.
Живите за себя,
Жить за других не надо.

На праздничных пирах,
В благополучной доле,
Зря не тревожьте прах
Полеглих в чистом поле.

55

Давно тот бой затих.
Герои спят в могиле.
Не тщитесь жить за них —
Они свое свершили.

1979

* * *

Понял, что ты незаметно проник
Во временные, иные пределы.
Прежде ты ведал и слышал про них,
Нынче они о себе прогудели.

Ты оглянулся, увидел: светло
Бодрым морозцем и воду, и сушу.
Ветер все чаще тревожит стекло.
Белла все больше походит на Ксюшу.

1979

НОВОДЕВИЧЬЕ

К Твардовскому не попадешь.
Был неприступен? Не настолько.
Не то чтоб это вострый нож,
Но что-то вроде и осколка.

Обидно все-таки до слез,
Не понимаю ни бельмеса.
Ведь я букетик свой принес
Для друга лучшего — Бернеса.

Среди друзей и стариков
Еще случалось пополненье:
Здесь Исаковский, Смеляков,
Да есть и наше поколение.

56

Я гость, и я так редко вхож
В ворота этого поселка.
К Твардовскому не попадешь.
Был неприступен? Не настолько.

Сказал мне малый по пути:
— Имей приятелей попроще,
Чтобы цветы свои нести
В неохраемые рощи.

1980

* * *

Похудел, помолодел
После долгого недуга.
Ремешок затянут туго.
Впереди немало дел.

Щеки бледные, спеша,
Покрываются загаром.
Но, что в жизни все не даром,
Знает накрепко душа.

1980

СУМЕРКИ

Уже с огнями бортовыми
Воздушный лайнер.. А внизу
Влачит наполненное вымя
Корова и ведут козу.

И ждут поленья укорота —
Стоит, расслабившись, пила—
Пора поливки огорода.
Разнообразные дела.

57

И в голубом пространстве полом
Не много взоров соберет
Над речкой и туманным полем
Распятый в небе самолет.

1980

* * *

После долгих невзгод и атак, —
К счастью, именно после, —
Их столкнуло — нежданно как
Оказавшихся возле.

Две судьбы обратили в одну,
Так свели их и свили,
Чтобы вместе и ввысь, и ко дну,
И в бессилье, и в силе.

Словно пласт плодоносной земли, —
Так ночами и днями
Перекрестно они проросли
И сцепились корнями.

Поддержать на подъеме крутом?
Дать уставшему руку?..
Кровь свою, не однажды притом,
Перелили друг другу.

..Вот сидят они возле стола,
Что уже приготовлен для чая,
Продолжая другие дела,
Две различные книжки читая.

1980

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

В голове блуждающий осколок.
Заболит, — ну, выпьешь иногда.
Собрала жена вещички с полок
И ушла, — в чем главная беда.

От войны осталось много знаков.
Все же тело прочный матерьял.
— Я на фронте, — он сказал, заплавав, —
Ни одной слезы не потерял.

1980

САЛЮТ

Москва готовилась к салюту.
А мы, не хуже старых бар,
В гостиничный попали бар
На иностранную валюту.

Валюты, ясно, никакой
На счете или под рукой
Не оказалось, кроме кровной.
Но мы вошли походкой ровной.

А там — приятный полумрак
А там — бутылок! Страшно глазу!
Нам объяснили, что и как
Мы, правда, поняли не сразу.

Не проявили свой напор
И не высказывали мнений,
Хотя и был при нас набор
Всех орденов и всех ранений.

И мы покинули столы,
Не так уж сильно и задеты..
Тут и ударили стволы,
Тут и посыпались ракеты.

1980

МАДОННА НА ВОКЗАЛЕ

Мадонна в раннем мире первозданном,
Задумчивая, ждущая давно —
«С младенцем на руках и с чемоданом
У ног». Мы знаем это полотно.

Пока пред нею в храпе или в давке
Идет одна из неизменных пьес,
Она сидит на деревянной лавке
С рельефною резьбою «МПС».

Она сидит с людьми чужими рядом,
Нейлоновою блузкой шелестя,
Она глядит спокойным юным взглядом
И кормит грудью малое дитя.

А над вокзальным застекленным сводом,
В той вышине, где все им нипочем,
Снежинки вьются редким хороводом,
Пронизанные солнечным лучом.

1981

УХОД

Сквозь новые внезапные заботы,
Сквозь многие возникшие дела, —
Вдохнула ощущение свободы
И голову бесстрашно подняла:

Дорога, уносящая отлого
Дома и перелески без конца.
И белый след как будто от ожога —
На месте обручального кольца.

1981

ТЕПЛОХОДЫ

Не слышал я что—то, но, может быть, есть теплоход
«Марина Цветаева», ходит, к примеру, по Каме;
Что «Анна Ахматова» строгой Невою идет
И мальчик за поручень крепко схватился руками.

Не помню, чтоб в дымке растаял «Борис Пастернак»,
А возле Гурзуфа гудел «Николай Заболоцкий».
Ну, нет — так и нет. Впрочем, их не забудут и так —
Без крупной волны и заботы подчеркнута флотской.

1981

ТАКСИСТ

В. Ф. Негода

— Федосеич, Федосеич,
Ты не пашешь и не сеешь,
И, однако, жизнь твоя..

— Полно, Яковлевич! Я
Выезжаю спозаранку,
Без конца кручу баранку.
По проулкам, по росе,
По гудронной полосе.
В Шереметьево! В Быково!
Передыху никакого.
Хуже, если передых
Дай ворочать за двоих!
Каждой, Яковлевич, клеткой
С этой связан я креветкой
(Так машину мы зовем
Иногда в кругу своем)..

— Федосеич ты, Негода,
Ты какого будешь года?
Знаю, не был на войне,
Но войну напомнил мне.

1981

ПЕРЕД СЛУЖБОЙ

Захотелось напоследок
Наглядеться на соседок,
На далекий синий лес,
На холодный свет небес.

Словно там не будет леса
Или даже интереса
К небу, женщинам, — всему,
Что так нравилось ему.

1981

ИЗМЕНА

Вот вошла к нему со света,
С лета — в комнатку его,
Не спросившая совета
На земле ни у кого.

И в каком-то странном раже,
Отвернув слегка лицо,
Все сняла с себя — и даже
Обручальное кольцо.

1982

СЕЛЬСКИЙ ОБЕЛИСК

Война просвистала,
И, резко видны,
Глядят с пьедестала
Герои войны.

На черном железе
Стоят мужики.
Один на протезе,
Другой без руки.

1982

* * *

Париж французы не сожгли,
Когда вошли в него казаки.
Иной закон иной земли
И небом посланные знаки.

А мы?. Рвануть рубаху с плеч,
Последний рупь — на танк и пушку,
На амбразуру грудью лечь
За выжженную деревушку.

1982

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я пробудился летом,
Слыша гуденье пчел.
Снилось: стою с билетом,
А мой состав ушел.

...Сумрак лесной опушки.
Запах густой травы.
Вмятина на подушке
От твоей головы.

1982

* * *

Ушли родные старики,
И мы остались стариками.
Знать, жить им стало не с руки.
И вот я с этими строками.

Нет больше тех, кто старше нас,
Их нет и нет на белом свете.
Еще скажу вам в горький час:
Они давно уж были дети, —
И огорчали много раз,
И радовали в годы эти.

1982

КАЧЕСТВО

Был он вроде ничего,
Добрый, ласковым.
Стерла запросто его,
Будто ластиком.

Не осталось ни следа
В чистой памяти.
Может, вы, придя сюда,
Так же канете.

Он ушел в небытие
И не значитя.
Вот какое у нее
Было качество.

1983

* * *

Сострадание проявите!
Он отчаянно всякий раз
Задышался опять при виде
Бегло встреченных губ и глаз.

Словно прежде, ни в чем не каясь,
В суматохе летящих дней,
От волнения заикаясь,
Обратиться пытался к ней.

Это странное заиканье
В час негаданных в жизни встреч,
Как короткое замыканье,
Затрудняло внезапно речь.

1983

* * *

От ранней подруги своей
Для позднего брака
Ушел. Захотелось детей,
Которые благо.

И сызнова -- только держись! --
Углы, комнатенки.
И все--таки всякая жизнь
Чужая -- потемки.

У каждого доля своя,
Судьба или сила.
И новая эта семья
Его оглушила.

Седой. Как мальчишка одет.
С коляскою -- в гору.
И видно, что это не дед,
По скучному взору.

1983

ДОЧЬ ТРИФОНОВА

И после кратковременной заминки
Друзья, кто группкой, кто по одному,
Поехали -- поминки не поминки, --
Но все--таки отправились к нему.

Еще не знали многие -- до стона!
..Звонкам обычным не было числа.
Дочь, поднимая трубку телефона,
Всем говорила: -- Мама умерла..

Ей было лет четырнадцать в ту пору,
И поражало сразу, что она,
Ища в отце привычную опору,
Была, возможно, более сильна.

Та детская пугающая сила,
Таящаяся в недрах естества,
С которою она произносила
Немыслимые, кажется, слова.

Сидели средь табачного угара,
Внезапных слез и пустяковых фраз,
И вздрагивал, как будто от удара,
Отец, ее услышав, каждый раз.

1983

ВДОВА

Есть вдовы, что все дни,
Пока теплынь в природе,
На кладбище они,
Как на огороде.

Цветочные горшки,
Лопата, банки, склянки.
Сажают корешки,
Хлопочут горожанки.

А эта — ничего.
Приедет через силу.
Любила! Но — его,
А не его могилу.

1984

СТАРОСТЬ

Дед смутился — не узнал.
Ведь годов-то — с перебором.
Вспомнить, виделись в котором,
Нет сил уже — устал.

66

Чуть покачиваясь, он
Смотрит, светлого светлее,
Долгой старостью своею
Незаметно опьянен.

Как бывает у кого! —
Мы свой возраст молча терпим.
Впрочем, старость — только термин,
И не более того.

1984

ВНУЧКЕ

Облетают листья.
Скоро — и зима.
Под небесной высью
Холодно весьма.

В солнечной полуде
Купол голубой.
Мы, понятно, люди
Близкие с тобой.

Вышли на дорожку
Около берез.
Что-то понарошку,
Что-то и всерьез.

Балуемся срочно,
Топаем — Раз-два! —
Связанные прочно
Узами родства.

1984

БЕРЕЗКА

Среди еловой тьмы
Пунктирный ствол березки.
И различаем мы
Набухшие желёзки.

67

Поет весенний сок
Волнуется березка.
Такое в нужный срок
Бывает у подростка.

С ней рядом елки те
Густеют в буераке.
Она в их черноте —
Как молния во мраке.

1984

СТИХИ О НИКОЛАЕ ИВАНЫЧЕ

Николай Иваныч
Перестал звонить.
Видно, перетерлась
Жизненная нить.

А звонил с почтеньем,
Как в Колонный зал.
Говорил, смущаясь:
— Красенького взял...

Толковал о разном, —
Чаще о войне
И о футболисте
Толе Ильине.

О своих раненьях
Говорил он мне
И об уходящей
От него жене.

И неторопливо,
А не впопыхах,
Рассуждал он также
О моих стихах.

68

Я его ни разу
В жизни не видал.
Только этот голос
Надо мной витал.

Возникал внезапно
В снегопад и в дождь.
Знали этот голос
И жена, и дочь.

Хмурая погода.
Низко облака.
Год или полгода
Нет его звонка.

Небольшой морозец.
Голубой зенит.
Николай Иваныч
Что-то не звонит.

1985

ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ

Кто ей этот мальчик? Внук
В пиджачке нездешней моды?
Жизнь прошла, и видно вдруг
Стало прожитые годы.

Заглянуть хочу за них —
Хоть минутою одною..
Это был ее жених
Перед самую войною.

1985

* * *

Темнеет. Около восьми.
Погасли солнечные слитки.
Стоит Твардовский с дочерьми
На даче, около калитки.

69

Близ милых выросших детей,
Да-да, детей. Большой как башня.
Машину ждут или гостей? —
Теперь это уже неважно.

А важно — тишь, туман, Пахра,
Вдруг вспоминаемые снова,
И быстротечная пора
Былого вечера земного.

1985

* * *

Боже, как он исхудал!
А совсем еще недавно
Был он ладен, и удал,
И посмеивался славно.

Отчего он похудел?
Я смотрю: причина, где ты?
От своих сердечных дел?
От умышленной диеты?

От болезни роковой
Или только от испуга
Перед крышкой гробовой
И землею как из пуха?

1986

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Скажите, а над чем
Работаете вы? —
И сразу же за тем,
С наклоном головы:

70

— Скажите, а когда
Вы начали писать?
— А в ранние года
Вы кем хотели стать?..

Вставая всякий раз,
Записку ли суя,
Он спрашивает — вас,
Но слышит — лишь себя.

Таким он и возрос:
Ему во цвете лет
Важней задать вопрос,
Чем получить ответ.

1985

ТРАДИЦИЯ

..И, несмотря на зоркость глаз,
Порой бывала ты незрячей.
Ведь и «Онегина» в тот раз
Ты посчитала неудачей.

Традиция, как ты строга!
Сядь отдохнуть на подоконник.
Когда Моне писал стога,
Ты думала, что он дальтоник.

1986

* * *

Погибшие стволы среди живых стволов,
Пожухлая листва кой-где осталась даже.
Негромкая печаль, понятная без слов.
Суровая деталь в безоблачном пейзаже.

71

Быть может, их сгубил промышленности яд.
Закупорка корней иль молнии сниженье...
Так средь живой толпы ушедшие стоят,
Возникшие на миг в луче воображенья.

1986

ГРЕБЕНЬ

Через жестокий гребень лет,
Из тех долин, где все так мило,
Как облако через хребет,
Жизнь явственно перевалила.

Не удержалось, нам назло,
То облако не перевале,
А вниз неспешно поползло,
Как мы не раз подзревали.

..Вы недостаточно мудры,
Что все ж простиительно поэту:
Вы — по ту сторону горы,
А мы теперь уже по эту.

1986

ДОЖДЬ НА РЕКЕ

Луг позабыл о косьбе.
Двор аж по щиколку залит.
Грустно в просторной избе,
Где уже нету хозяев.

Вспахана ветром река,
И при рассеянном свете
Видятся издалека
Длинные борозды эти.

72

И только дождик в окне,
Что моросит поневоле,
Может засеять вполне
Это текущее поле.

1986

* * *

Но, Боже мой, скажи на милость,
Куда б ты ни был занесен,
Что трепетнее сохранилось,
Чем ласка женщины сквозь сон?

И многого иного слаще,
Зимою или по весне,
Не откровенность общей страсти,
А слитный шепот в полусне.

1986

* * *

С усмешкою чему-то своему,
Внутрь обращенной, смутной и далекой,
Идешь — повадку видно по всему
И женственность — во взгляде с поволокой.

Ты девушкой когда-нибудь была?
Не ведаю, но думаю — едва ли.
Ты женщиною в этот мир пришла,
И все лишь так тебя осознавали.

1987

73

НАРОДНАЯ ИГРУШКА

Здесь, на полочке, в зальце музея,
Разномастных изделий семья.
И у каждой игрушки идея
И особенность только своя.

Чтобы четко для всех означала,
С чем она отправляется в путь:
Ваньки–встаньки мужское начало
И матрешки столь женская суть.

1987

ОРАТОР

Элегантен, тщательнейше выбрит,
Болтунов былых от плоти плоть.
Он, как прежде, на трибуну выпрет
И пошел без устали молоть.

Не прими за чистую монету
Мелкую словесную лузгу.
Ничего в действительности нету
В этом гладковыбритом мозгу.

1988

СТАНСЫ

Суровые стансы!
Подставив под ухо ладонь,
Кремлевские старцы
Погнали мальчишек в огонь.

На смертные муки,
По горьким и страшным местам.
Их личные внуки,
Наверное, были не там.

74

Без всякого толку
Под скрип их вставных челюстей
Швырнули как в топку
Цвет наших десантных частей.

1988

* * *

Перекрестила — будто посолила
Картошку в чугуне.
Перекрестила — будто посулила
Живым остаться мне.

И я услышал сказанное слово:
— Храни тебя Господь...—
Лицо запомнил женщины суровой,
Ее любви щепоть.

1988

ЖЕНЩИНА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

В зеркале рассматривать себя
То нарядной, то опять раздетой.
В окна свет врывается, слепя.
Что нас ждет: попробуй—ка разведай.

Животу от солнца горячо.
И, купаясь в утреннем бальзаме,
На себя смотреть через плечо
Чьими—то серьезными глазами.

1988

75

С ЯПОНСКОГО

Ты так уставала,
Что мне было жаль будить тебя
Даже лаской.
Я очень скучал по тебе,
Пока ты спала.

1988

* * *

Идет, каблучками цокая,
Торопится налегке.
А грудь у нее высокая,
Платочек в одной руке.

Коса у нее каштановая,
В серьгах у ней бирюза.
Целуется, постанывая,
Зажмуривая глаза.

С такую возможны горести.
Ответит нам кто за них?..
Так думал сквозь слезы в поезде
Расстроенный призывник.

1989

ФРАНЦУЗСКАЯ КАРТИНА

Женская грудь из расстегнутой блузки.
Это, пожалуй, не слишком по-русски.
Это, скорее, Париж, Монпарнас.
Кто эта женщина — право, неясно,
Что, поднимая глаза от пасьянса,
С легкой смущенностью смотрит на нас.

76

В группе со мной молодой академик,
И, разумеется, тоже без денег.
Мы на прогулки расходует пыл.
Снится Изварино, крыша из дранки.
Я говорю: если были бы франки,
Только бы эту картину купил.

1989

* * *

Ты потянулась в постели,
Выгнула спину.
Годы, что сгорбить хотели,
Сам с себя скину.

Август по ближним заставам
Копится густо.
Хочется сильным суставам
Охнуть до хруста.

Что же тебе еще снится?
Губы распухли,
Да и глаза сквозь ресницы
Тлеют, как угли.

1989

ПОЛУЧЕНИЕ СПРАВКИ

Жизни сочные тона
Иногда бывают грубы.
— Мне бы справку..—
А она
В это время красит губы.

Растянув в оскале рот,
В центре каменной громады,
Мягко водит взад-вперед
Карандашиком помады.

77

Смотрит пристально мужик,
Как — иль это наважденье? —
Красят губы при чужих,
Получая наслажденье.

1989

ШАЛАМОВ

Варлам Шаламов,
Приятель сирых,
Не со ста граммов
Как на шарнирах

Бредет с обидой,
Отнюдь не кроткой,
Своей разбитой
Вконец походкой.

Взгляд гордо вскинув, —
Что ж, так устроен, —
Он, как Мартынов,
Высок и строен.

Душа — не тепло —
Горит от шрамов.
Такое дело —
Варлам Шаламов.

Себя омою
Той Копымою,
Его бедою —
Святой водою.

1989

* * *

Я лежал на земле, повторяя
Бедным телом любой бугорок
И ложбинку, — ночная, сырая
Степь тянулась вдали от дорог.

78

Не по званию и не по ранжиру
Посредине холодных степей
Мы притерлись к огромному миру
Каждой клеточкой жизни своей.

1989

МОЙ СТИХ

Забудут. Но потом,
Лет эдак через сорок,
Открыв мой плотный том,
Услышат жизни шорох.

Как бы земля течет
В окопе за обшивкой..
Тогда возьмут в расчет,
Что не была ошибкой

Поэзия: текла
Вдоль позднего квартала.
Дул ветер, и тепла
Проходим не хватало.

Читателей своих
Суровыми годами
Отогревал мой стих
Замерзшими губами.

1989

* * *

Ты за красных?
Я за разных.
Ты за белых?
Я за белок

79

За кротов
И за олених,
За китов
И за тюленей.

За зеленые
Просторы,
Заселенные
Под стоны

Сладостные —
Сил весенних,
Благостные —
Снов осенних.

За гусей
Под небесами
Жизни всей,
Где страждем сами.

1989

* * *

Плывет, как сон,
Пока еще окольный,
Прозрачный звон,
Пасхальный, колокольный.

Пролетный клич
В распахнутой лазури.
А здесь кулич
Под корочкой глазури.

И знак ХВ,
Что прежде не бывало,
Вчера ТВ
Уже передавало.

80

Во всем прогресс,
Как сообщают в прессе.
— Христос воскрес.
— Воистину воскрес...

1989

* * *

Маленький этот поселок,
Замкнутая среда.
Грозного мира осколок,
Как-то попавший сюда.

Ни огонька за рекою.
Впрочем, отсутствует мост.
Господи, все под рукою:
Школа, работа, погост.

1990

НЕДАВНО

Мрачен и завистлив,
Карандаш слюня,
Худшее замыслив,
Смотрит на меня.

О победном бое
Объясняет мне.
А, само собою,
Не был на войне.

Учат импотенты
Вздохам до зари.
А не компетентны,
Черт их подери!

1990

81

КИНО

Первая серия — Ягода,
Вторая серия — Ежов.
И тот, и тот — враги народа,
Один кровотокающий шов.

Третья серия —
Лаврентий Берия.

Но и тут Генсек —
Главный дровосек

Нет, не на лесоповале,
Не в суде и не в подвале,
А в кремлевской тишине
Сам с собой наедине.

1990

ЖЕНСКАЯ СИЛА

Женская мощная сила
Выше красы!..
Лифчик она не носила —
Только трусы.

Так чтобы груди могли бы
Рваться в полет
Или же бились, как рыбы
Бьются об лед.

В густо клубящихся ордах
В центре Москвы
Юбка трещала на бедрах,
Попались швы.

1990

ЖЕНЩИНА ПОСЛЕ БАНИ

Прервавшийся роман
С косметикой. Вы рады?
Ни туши, ни румян,
Ни пудры, ни помады.

Ряд явственных примет
С особенкой своею.
Естественность? Да нет.
Растрянность, скорее.

Под мышкой бельце,
И высветлено резко
Ничтожное лицо,
Отмытое до блеска.

1990

* * *

Сколько пили с Яном
В разные года,
Не видал я пьяным
Яна никогда
От вина, положим,
И не от вина.

Ведь любим прохожим
Жизнь его видна —
Чукчам ли, рижанам..
Где б он ни бывал,
Общим обожаньем
Били наповал.

Улыбалась Ялта,
Скрытно взор скосив:
— Посмотрите, Ян-то
Как у нас красив!

И сквозь все сквозь это
Шел он налегке..
Ну, а то, что спето,
Слышно вдалеке.

1990

МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ

Она из разряда счастливых всегда
Задумчивых пленниц.
Мадонна с младенцем совсем молода —
Сама как младенец.

И, кажется, оба из яслей одних,
Где общее ложе.
Особенной кротостью веет от них,
Но важностью — тоже.

На фоне холмов, потонувших в тиши,
Написанных тонко,
Глядят друг на друга две чистых души,
Два малых ребенка.

1991

* * *

В течение дня отвлекусь взглядом,
Забьется сгоряча.
Но, пробудясь, не встретить рядом
Твоих — лица, плеча.

И пострашней воспоминанья
И Страшного суда —
Безжалостное пониманье,
Что это навсегда.

1991

84

* * *

В том сладостном мире, почти небывалом,
С дрожаньем звезды или в дождь проливной,
Мы спали вдвоем под одним одеялом,
Мы спали вдвоем под одной простыней.

За окнами вьюга гудела упруго,
Позднее катился черемухи шар.
Мы спали и грели собою друг друга,
Собой остужали взаимный пожар.

1991

* * *

Вы, ангелы, мне схожий путь пророчите,
Но ко вратам, что в небесах видны,
Зачем вы провели ее вне очереди,
А не меня, участника войны?

1991

* * *

Меркнувший дом..
Жизнь пролетит — не заметим.
Молча уйдем.
Все и окончится этим.

Не прекословь!
Видишь, я сам не перечу.
Только любовь
Верит в загробную встречу.

1991

85

ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕЙЗАЖЕ

Изменения в пейзаже
Для меня оказались не в том,
Что еще один дом
Появился, и несколько даже,

За рекой. А что нет
Клена старого возле балкона.
(Вечерами наклонно
На листву падал свет.)

Изменения в пейзаже
В том, что вижу знакомых не так,
Понимая, что это пустяк,
Не заботясь об этом пассаже.

И что нет старика,
Регулярно сжигавшего мусор.
(Обращенная к музам,
На столе потускнела строка.)

Что тебя в блеске дня
Тоже нет на пятнистой дорожке,
Где ступали твои босоножки..
И что нет и меня.

1991

* * *

Сидели за столиком три беспартийных поэта:
Один из них в партию никогда не вступал,
Второй исключен был в начале пятидесятых,
А третий сам вышел из партии месяц назад.
Они пили водку и говорили совсем о другом.

1991

* * *

Дождь идет, и землю режет лемех.
Жизнь разделит нас в полях и хатах
Вовсе не на правых и на левых,
А на правых и на виноватых.

1992

* * *

Российские интеллигенты! —
Из прошлого благая весть
И те мечты, и те легенды..

Они сегодня тоже есть.
Те удержавшиеся листья
Среди неслыханной зимы,
Исполненные бескорыстья
И долга.. Вряд ли это мы.

1992

* * *

Увезли — не спросили —
От одесского тента.
Там был выпел на шпиле
Да матросская лента.

И пошла донна Анна,
Только Музой ведома,
От Большого Фонтана —
До Фонтанного Дома.

1992

СМЕЛЯКОВ НА ФАДЕЕВСКОЙ ДАЧЕ

Смеляков на фадеевской даче
Пишет стих на втором этаже,
Получив ее в виде удачи
После Сашиной смерти уже.

(Так его называл лишь заглазно,
Да и то, если гордости вал
Поднимал Смелякова, — а гласно
«Александр Александрович» звал).

Тень Фадеева бродит по дому,
И возможно ль поставить в вину
Ярославу, почти что седому,
Что опять его тянет к вину.

Путь Фадеева будет в анналах..
Что ж касается смутных шагов,
На тюремных и лагерных нарах
Не такое слышал Смеляков.

Ветер в соснах шумит по разверстке,
В тьме стекла отражается блик,
И на жизненном том перекрестке
Две изломанных жизни былых.

1992

ПЕРЕД ПАСХОЙ

Скоро новая Пасха —
Ко счастью ключи
Умиленная паства
Печет куличи.

Кто-то входит без стука,
Еще неглиже.
Шелухою от лука
Красят яйца уже.

88

Живописных законов
Знает Галя полно.
Тонкой кисточкой тронув
Краску, смотрит в окно.

Но едва ли с природы,
Ибо праздник впритык,
Пишет миниатюры
На яичках крутых.

Как прозрачны пейзажи
За окном по утрам:
Две березки и даже
Галей созданный храм.

1992

ПРЫЖОК С ПАРАШЮТОМ

Что такое прыжок с парашютом?
Это ранний армейский подъем,
Путь, рассчитанный весь по минутам,
И холодного неба объем.

Что такое прыжок с парашютом?
Это пальцы разжавший Господь
Отпустил по неясным маршрутам
Наши души, а также и плоть.

1992

ИЗ КОСМОСА

Они лежали у реки,
А ее лифчик и их плавки
Качались на кустах, легки,
Как жизни крохотные главки.

89

Слепил глаза дневной пейзаж
А спутник из безмерной дали —
Американский или наш? —
Фотографировал детали

Земли. И в кадрике одном
На фоне общей перспективы
Их близость ярким летним днем
Запечатлели объективы.

1992

НОЧНОЕ ЧТЕНИЕ

Женщина ночью читает в постели,
Лампой настольною озарена.
Блики и тени на ее теле.
Как увлеченно читает она!

Чашка на блюде просвечена тонко,
Залита ярко поверхность листа.
Съехали простыни на пол, и только
За переплетом не видно лица.

1992

* * *

Молода и смела,
Не имея понятия о блуде,
Скромно лифчик сняла,
Обнажила курносые груди.

И местечко найдя
С краю людного женского пляжа,
Стала чуть погодя
Золотою частицей пейзажа.

1992

90

ИЗ-ЗА ДВЕРИ

Она ему: — Сюда нельзя!
Я не одета. — Он: — Да ладно! —
Признать приходится — не зря
В нем бездна легкого таланта.

Она свое: — Еще нельзя! —
Он вновь стучит в стремление остром,
Ее, однако же, не зля,
А трогая таким упорством.

1992

* * *

Пора привыкать к тому,
Что ты никому не нужен.
Нет, нет, не в своем доме,
Где есть и обед, и ужин.

А в тихом осеннем дне,
А в женском негромком смехе.
Короче — на той волне,
Где нынче одни помехи.

1992

* * *

С того счастливого начала
Ты шла со мной при свете дня
И ночью каждую лежала
Ты тоже около меня.

Там, в отдаленной жизни сладкой,
Что как растаявший дымок,
К тебе с вопросом или с лаской
Я поворачиваться мог.

1992

91

* * *

Еще живой,
Но став тенью,
Справляю твой
День рожденья.

Не говорю
Пустой лести, —
Благодарю
За жизнь вместе.

Тебе хвала,
Что ты кладом
Моим была
Со мной рядом.

1992

* * *

Ты всегда счастливо ценишь
Точно то, что я ценю.
Что-то белое ты стелешь —
Скатерть или простыню.

За окном пурга вполсвета,
Никаких иных вестей.
Боже, как любил я это! —
Стол и мягкую постель.

1992

* * *

Что-то горек
Этот стук.
Знать, топорик
Рубит сук,

92

Где всегда
Висел гамак
Тьма. Звезда.
Огни в домах

Тесен дворик
Воздух сух
А топорик
Рубит сук.

1992

* * *

Стул придвину к столу,
Пролистну записную
Книжку. Снег по стеклу
Тишь нарушит песную.

Как велось испокон,
В нижнем ящике справа
Твой любимый флакон,
Роговая оправка.

Тень былого следа
Вновь и вновь обнаружу.
Приезжаю сюда
Растравлять себе душу.

1992

* * *

Жила счастливою хозяйкою, —
Трудилась у стола.
От нежности зимою зябкою
Порою не спала.

93

Скажи: скорбящею невестою
Из нашего угла
К какому ангелу небесному
Ты от меня ушла?

1992

* * *

Девочки: дочка и внучка,
Вы — всё, что есть у меня.
Да еще легкая тучка
В пепле сгоревшего дня.

Смутно причастная тайне,
Тая, плывет в вышине.
В беглом ее очертанье —
Что-то знакомое мне.

1992

* * *

Окно завешано дождем.
Превозмогая холодину,
Подслеповато смотрит дом
Сквозь эту зыбкую гардину.

Когда-то брал, бывало, плащ
И шел бродить под капюшоном.
А нынче плачь да горечь прячь
В себе, почти опустошенном.

О человечестве радей
Или чего прими с полочки.
Но слышен смех моих детей —
Любимых дочери и внуки.

94

Их речь за тонкою стеной
С особенностями родными.
Их разговор почти со мной, —
Точней, не толькó между ними.

В себе согласие найдя,
Их голоса звучат уместно
На фоне долгого дождя,
Что обрывается отвесно.

1992

* * *

Бесконечны лица.
Но в толпе людской
Не с кем поделиться
Мне своей тоской.

Впрочем, среди лета,
Сквозь летящий дым,
Нужно ли мне это
И тем боле — им?

Поздние уроки
Жизни прожитой:
Лишние упреки
В адрес жизни той.

1992

* * *

Разминулись на миг у причала.
Прибегала опять и опять.
Средь живых его не отыскала
И средь мертвых пустилась искать.

95

В том краю все довольно похоже.
Шла, в душе его облик неся.
Но и там не нашла его тоже,
А хотела вернуться — нельзя.

1993

НОЧЕВКА

Мы здесь когда-то ночевали.
Хозяйка в домике лесном —
Чтоб хорошенько почивали, —
Нам пожелала перед сном.

Теперь я вспомнил ночь былую,
Которую без сна провел,
И утренние поцелуи —
Любовный этот опохмел.

1993

* * *

Нужны отрадные псалмы —
Воспеть прохладные холмы,
Воспеть сиянье их лебяжье,
Таинственное междуляжье,
К которому стремимся мы
В павинах света или тьмы.

1993

МАЛЬЧИК В ЖЕНСКОЙ БАНЕ

Трехлетний мальчоночка с матерью в бане.
За ключьями пара — зады и тазы.
Из этой трепещущей жизненной рани
Являются будущей жизни азы.

96

В телесной, его окружающей груди,
Имеющей сразу сто ног и сто рук,
Он видит могучие зрелые груди,
А рядом обвислую кожу старух.

Чего-то ему неожиданно жалко.
С размаху скамья кипятком облита.
Сияние женщин — у каждой мочалка
В руке или чаще в низу живота.

1993

* * *

На пути небывалом,
Где укрыться нельзя,
Как-то сразу, обвалом,
Одряхлели друзья.

Что ж, обычное дело.
Но как общий запой:
Большинство поглупело, —
Хоть ты волком завой!

1993

У ХРАМА

Милый святой старичок
С нимбом чуть-чуть набочок,

С бегло крестящей рукой,
Маленький, добрый такой,

В нимбе слегка набекрень
Славит задумчивый день.

1993

97

* * *

Хмуро в булочной стоит —
Старый хмырь, ханыга, пешка.
Но неясно, что таит
Эта смутная усмешка.

Сам слегка навеселе,
И ковбоек помята.
Розовеет на скуле
Чья—то беглая помада.
1993

РАССЛОЕНИЕ

Худо в России —
Голь, нищета.
Впрочем, иные,
Нам не чета,

Весело — круты,
Каждый — как пьян:
Твердой валюты
Полон карман.

Им—то отрадна, —
Бог их прости, —
Мысль, что обратно
Нет пути.
1993

РЯДОМ

Какая, право, дрянь!
Но что им наша брань?

Какая сволота!
Но что им слава та?

Живут, забыв про стыд..
Их только Бог простит.
1993

ЛИЦО

Лица таинственная странность —
Чуть—чуть не так изогнут рот,
И в нем какая—то эстрадность,
Изысканность наоборот.

Два широко раскрытых глаза —
Два синих искренних лжеца.
Еще не выбранная фаза
Ассиметричного лица.
1993

СУДЬБА. 1942

Единственных сыновей
Когда—то не призывали.
Но вышел приказ новей,
И вот уже на привале

Единственный ваш сынок,
Измученный подготовкой,
Усталостью сбитый с ног,
Любезничает с винтовкой.

Для парня с недавних пор
Единственная отрада —
Потрогать во сне затвор,
Коснуться щекой приклада

И ежели век его
До старости будет прожит,
Он все—таки никого
Любить уже так не сможет.
1993

* * *

Приближалось время листопада.
Дед седой сказал мне поутру:
— Помирать не хочется, а надо,
Чувствую, что вскорости помру!..

«Надо?..»
..Вот бессонною порою
Вспомнилось нечаянно о нем.
Может, все мы чуточку герои,
Потому что знаем, что умрем.

А живем, смеемся
и в потемках
С милыми целуемся в свой срок,
Думаем о мире, о потомках,
О судьбе непройденных дорог.

1956

* * *

Вдали стена заброшенной сторожки.
По сторонам — болото и овраг.
Мы встретились на узенькой дорожке,—
Ты обещал мне это, давний враг.

Как тщательно готовился ты к бою,
Ночную темнотою окружен!
Что ж, подходи! И я схвачусь с тобою.
Я безоружен — ты вооружен.

100

Иди, иди! И ты ступаешь гибко,
В глазах настороженность, торжество
И даже виноватая улыбка —
На случай поражения своего.

1956

МАЯТНИК

Сколько было скомканных,
Брошенных начал,
Между тем как в комнатах
Маятник стучал.

Сколько было маленьких,
Бесполезных дел,
Между тем как маятник
Над землей гудел.

Летний день кончается,
Длинный, словно год
Маятник качается,
Ходит взад-вперед.

Как качели легкие,
Плавно — раз, два, три..
Ты побольше в легкие
Воздуху вбери.

Меркнут под качелями
Домики, трава.
А вверху, над елями,
Плещет синева.

Там светло и ветрено.
Но опять — назад!
Лишь веревки медленно
Трутся и скрипят.

Вверх — и рядом облако.
Вниз — по сердцу дрожь.
Ты же вместо отдыха
Ходу поддаешь.

101

И средь сада росного
У людей в ушах —
Легкого и грозного
Маятника шаг.

1963

МАТТИОЛА

Клубясь, туман вставал из дола,
И после тягостного дня
Раскрывшаяся маттиола
Как бы окликнула меня.

Казалась бледною царевной,
Что вдруг опомнилась от сна
И дышит свежестью целебной
У растворенного окна.

Цвела во мраке маттиола,
И запах был ее острей,
Чем слабый проблеск метеора
Над беспредельностью полей.

Ночной цветок в глухой истоме
Свободно тек во все края.
Он был как свет в далеком доме
Или как голос соловья.

Он выходил в ночную смену,
Под звездами, в густой росе.
Он в темноте вступал на сцену,
Но замечали это все.

1966

* * *

Стоит за окном полусевер
И свет свой рассеянный льет.
Уж осень. Холмы польсены
Гусей ожидается лёт

102

На Псковщине, под Ленинградом,
Проходим глаза не слепя,
Природа задумчивым взглядом
Как будто бы смотрит в себя.

Над светлой водою Шелони
Подлеска сквозит полоса,
За ним, во втором эшелоне,
Стоят вековые леса.

Как, право, природа спокойна
В работе, в заботе своей,
Как все принимает достойно,
С чем выпадет встретиться ей.

Чужда инфантильность природе,
Природе чужда суета.
И в дождь, и при ясной погоде
Серьезность кругом разлита.

1966

* * *

Закат на стволах погас,
Проплыл одиночный выстрел,
И вынес меня Пегас
На гребень порывом быстрым.

Я песен еще не спел
Под тот орудийный рокот.
Не знаю, бывал ли смел,
Но был в стихотворстве робок.

Как жизнь свою передашь?
Тошчала махорки пачка.
Химический карандаш
Сомлевшие пальцы пачкал.

Был нужен душе сигнал
С протяжной командной гласной,
Чтоб робость мою согнал
Подчеркнутой силой властной.

103

Помаргивал фитилек
Над сплюснутым срезом гильзы.
Рассвет был еще далек
Я вволю над строчкой бился.

Я двигался по войне
И чуял дыханье ритма.
Но третью неделю мне
Никак не давалась рифма.

Ударил вблизи фугас,
Был крупен, подлец, калибром.
Шарахнулся мой Пегас,
Я выругался верлибром.

1967

* * *

Груда бревен, а возле,
Как с картинки былой,
Деревянные козлы
С прислоненной пилой.

Желтой лужей опилки,
Да вразброс кругляки.
А правее развилки —
Блеск холодной реки.

Сумрак пасмурной дали,
Бледно-ясная высь...
Пять минут отдыхали,
Встали, снова взялись.

Еще шибче и строже
Пилят. Старшая — мать,
Но и дочери тоже
Лет уже двадцать пять.

Пусть им лица обвеет
Иногда ветерком.
Ребятишки обеих
Копшатся кругом.

104

А посмотрят со склона —
Блещет речки сюда,
И пропеллеры с клена
Залетают сюда.

1969

КОТ

В квадрате солнца, на полу,
Спит кот: привык вставать попозже.
А тень забора — на пилу
Или на дальний лес похожа.

Таинственный домашний зверь,
Он дремлет, щурится урчаще.
Его глаза невольно сверь
С горящими в полночной чаще.

Хозяйки явный фаворит,
Кумир, тихоня полосатый.
В нем все о схватке говорит,
Погоней дышит и засадой.

Не зря в холодном взоре том
Зеленое мерцает пламя.
И вдруг хозяин входит в дом —
Морозный пар валит полами.

И разом вздрагивает кот,
Он смотрит пристально и жестко,
И, дыбась, над горбом встает
Его ухоженная шерстка.

Что проку в выпаде пустом?..
И, взят видений вереницей,
Спит, окружив себя хвостом,
Как государственной границей.

1971

БЕЛОЙ НОЧЬЮ НА ДВИНЕ

Мерцанье над лесом и пляжем —
Как блики на белом ноже.
— Немного стемнеет, и ляжем..
— Темнее не будет уже.

105

От этого ясного слова,
Что просто сказал капитан,
Как будто очнулся я снова,
И душу мне свет напитал.

Над этим течением быстрым
Я тут же запомнил в лицо
По низкому берегу пристань
С уютным названьем «Сельцо».

В расплавленных отсветах белых
Свободно катилась Двина,
И четко был вычерчен берег,
Где каждая мелочь видна.

Две церковки, знавшие цену
Себе, не терялись в пути,
Пока им не вышли на смену
Две тоже — зеркально почти.

Уверенность ровного света,
Отсутствие всяких теней.
И в сердце сознание это,
Что долго не станет темней.

1972

ЛЕС

Этот лес у меня на примете,
Где за тусклой полоской села
Возвышаются сосны из меди
И от жара стреляет смола.

Где крепки, будто кованы в горне, —
Ты и сам спотыкался о них! —
Вылирают сосновые корни —
Эти ребра тропинок лесных.

Я стою возле края дороги,
Только-только с автобуса слез.
Так и хочется вытереть ноги
Перед тем, как входить в этот лес.

1972

* * *

Как мы кололи дрова
Ранней весной лиловой,
Долго, не час и не два,
За батальонной столовой.

Словно карельский валун
Мощное это полено.
Все же тяжелый колун
Входит в него постепенно.

Все же достигнута цель
Нашим кухонным нарядом —
Клин забивается в щель,
Новый вгоняется рядом.

Треск — и разлом золотой
Крепко крученных волокон,
Словно шутя завитой
Давний девический локон.

Холод сгустившейся тьмы.
Дерево разной породы.
Речка в овраге — и мы,
Близкие силам природы.

Так выпадает стволу
Молнии полная доза,
Так рассекают скалу
Клинья воды и мороза.

1976

СОДЕРЖАНИЕ

«Наступает новая пора...»	3
Мальчишка	5
«Земли потрескавшейся корка...»	6
«Ты добрая, конечно, а не злая...»	7
Студентки	8
Я люблю тебя, жизнь	8
Весной	9
«Стучит по крыше монотонно...»	10
Женька	10
Возвращение	11
Встреча	11
«Ниспровергают незаслуженно...»	12
«Трус притворился храбрым на войне...»	13
«Качнулась и расколопась»	13
Когда-нибудь	14
«Она ушла, и в гулкой глубине...»	14
Вальс расставанья	15
Конец любви	15
Дневной сон	16
«Мы с ней расстались на исходе дня...»	17
«Когда сгорит за бруствером заря...»	17
«Я спал на свежем клевере, в телеге...»	18
«Заметно выцвел небосвод...»	18
Скрытность	19
За окошком свету мало	19
Я спешу, извините меня	20
Проснемся первого января	20
«А утвержденья эти лживы...»	21
Роман	22
«Прохладной стало на душе...»	23
«Я считаю, нет моей вины...»	23
Карантин	24
Давным-давно	25
«Важно быть участником событий!...»	25
«Сидела она в уголке...»	26
«Мы помним факты и события...»	27
«Как часто все-таки талант...»	27
Алеша	28
«Еще ты в раннем детстве где-то...»	28
«Право, это вовсе ничего...»	29
«В предвечернем свете...»	29

«Родинка смешная на щеке...»	30
«Фотогеничные поэты...»	30
«Эти крыши на закате...»	31
Беда	31
Ослепленье	32
Тема	32
«В заботах нового труда...»	32
Приемная комиссия	33
Стойкость	33
«Чего в поэзии достиг?...»	34
«Не ожидала никак...»	34
«Погода холодная, серая...»	35
«На том же месте много раз...»	35
«Монотонность колесного гуда...»	36
«В покое кунцевской больницы...»	36
«Нас окружают жесткие предметы!...»	36
В Красной Пахре	37
«Мы меняемся с годами...»	38
«Как мы в сущности мало живем...»	39
«Не все выживают стволы...»	39
«Я из землянки тесной вылез...»	40
Рисунок	40
Цикламен	41
«Листопады и дожди...»	41
Одиночество ребенка	42
Это правда	42
Памяти поэта	43
Клиническая смерть	43
«Опять стоит и смотрит старый...»	44
«Были женщины в войну...»	45
Осенним днем	45
Андрею Старостину	46
Стихи об одной комнате	46
«Глянул — да он же стар...»	47
«Старшие командиры...»	48
«Живые мертвых потеснили...»	48
«С облегчением вспомнил сквозь сон...»	49
Художник Марке	49
«Приехали — а все цветет...»	50
Романс	50
«Особенное наше поколение...»	51
«Сидя, днем, когда придется...»	51
«Удар часов течет недлинно...»	52
Борис и Павел	52
«Видел я, как два гуся в недавнем году...»	53
«Младенец говорит отдельные слова...»	54
«Все фартило да фартило...»	54
«Посередине стол стоит...»	55
«Блестит огонь, слепя...»	55
«Понял, что ты незаметно проник...»	56
Новодевичье	56
«Похудел, помолодел...»	57

Сумерки	57
«После долгих невзгод и атак...»	58
Николай Иванович	59
Салют	59
Мадонна на вокзале	60
Уход	60
Теплоходы	61
Таксист	61
Перед службой	62
Измена	62
Сельский обелиск	62
«Париж французы не сожгли...»	63
Пробуждение	63
«Ушли родные старики...»	63
Качество	64
«Сострадание проявите!»	64
«От ранней подруги своей...»	65
Дочь Трифонова	65
Вдова	66
Старость	66
Внучке	67
Березка	67
Стихи о Николае Ивановиче	68
Портрет на стене	69
«Темнеет. Около восьми...»	69
«Боже, как он исхудал!»	70
Вопросы и ответы	70
Традиция	71
«Погибшие стволы среди живых стволов...»	71
Гребень	72
Дождь на реке	72
«Но, Боже мой, скажи на милость...»	73
«С усмешкою чему-то своему...»	73
Народная игрушка	74
Оратор	74
Стансы	74
«Перекрестила — будто посолила...»	75
Женщина перед зеркалом	75
С японского	76
«Идет, каблучками цокая...»	76
Французская картина	76
«Ты потянулась в постели...»	77
Получение справки	77
Шаламов	78
«Я лежал на земле, повторяя...»	78
Мой стих	79
«Ты за красных?...»	79
«Плывет, как сон...»	80
«Маленький этот поселок...»	81
Недавно	81
Кино	82
Женская сила	83

Женщина после бани	83
«Сколько пили с Яном...»	83
Мадонна с младенцем	84
«В течение дня отвлекусь взглядом...»	84
«В том сладостном мире, почти небывалом...»	85
«Вы, ангелы, мне схожий путь пророчите...»	85
«Меркнувший дом...»	85
Измененья в пейзаже	86
«Сидели за столиком три беспартийных поэта...»	86
«Дождь идет, и землю режет лемех...»	87
«Российские интеллигенты!...»	87
«Увезли — не спросили...»	87
Смеяков на фадеевской даче	88
Перед Пасхой	88
Прыжок с парашютом	89
Из космоса	89
Ночное чтение	90
«Молода и смела...»	90
Из-за двери	91
«Пора привыкать к тому...»	91
«С того счастливого начала...»	91
«Еще живой...»	92
«Ты всегда счастливо ценишь...»	92
«Что-то горек...»	92
«Стул придвину к столу...»	93
«Жила счастливою хозяйкою...»	93
«Девочки: дочка и внучка...»	94
«Окно завешано дождем...»	94
«Бесконечны лица...»	95
«Разминулись на миг у причала...»	95
Ночевка	96
«Нужны отрадные псалмы...»	96
Мальчик в женской бане	96
«На пути небывалом...»	97
У храма	97
«Хмуро в булочной стоит...»	98
Расслоение	98
Рядом	98
Лицо	99
Судьба. 1942	99
«Приближалось время листопада...»	100
«Вдали стена заброшенной сторожки...»	100
Маятник	101
Маттиола	102
«Стоит за окном полусевер...»	102
«Закат на стволах погас...»	103
«Груда бревен, а возле...»	104
Кот	105
Белой ночью на Двине	105
Лес	106
«Как мы кололи дрова...»	107

**Константин Яковлевич
ВАНШЕНКИН**

Избранная лирика

Редактор А. К. Кожедуб
Художественный редактор М. П. Тихонов
Технический редактор Н. В. Сидорова
Корректоры С. И. Крягина, Т. В. Малышева

Сдано в набор 01.11.95. Подписано в печать 20.11.95. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 4,55. Тираж 1000 экз.
Издание подготовлено к печати на персональнх компьютерах
в ТОО «Современный писатель». 121069, Москва, ул. Поварская, 11.
Отпечатано в типографии АО «Внешторгиздат», 127576, Москва, ул. Илимская, 7.
Заказ № 2690

Ваншенкин К. Я.
В 17 Избранная лирика. — М.: Современный писатель,
1995. — 112 с.
ISBN 5—265—03368—8

Константин Ваншенкин известный поэт, автор многих книг стихов. Живет в Москве.

В 4702010202—016 Без объявл. ББК 84 (2 Рос—Рус) 6
083(02) — 95